

5.6.1

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ)
NATIONAL HISTORY

УДК 930.1

Оценка реформ Петра I: идеалистический подход

©Григорий Иванович Герасимов

Тульский государственный музей оружия, г. Тула, Российская Федерация
e-mail: ggi1957@mail.ru

Аннотация. В статье впервые в историографии даётся оценка реформ Петра I с позиций идеалистического подхода к истории. Петровские преобразования в оценках историков постоянно меняются в зависимости от той теории, которой они придерживаются, что ведёт к созданию новых интерпретаций и образов прошлого. Идеалистический подход полагает, что надо оценивать реформы с позиции критериев, заложенных в православном мировоззрении, господствовавшем в петровский период. Подавляющее большинство проведённых преобразований с этих мировоззренческих позиций могут быть оценены, в основном, положительно. Однозначно отрицательно оцениваются: бритье бород, введение иностранной одежды и некоторых форм европейской жизни и обычаев. В основном негативно оцениваются: введение синодального управления церковью; монастырская реформа.

Ключевые слова: реформы Петра I; идеалистический подход к истории; идеи Петра I; мировоззрение в истории; идеалистическая методология; православное мировоззрение.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Герасимов Г. И. Оценка реформ Петра I: идеалистический подход // *История и современное мировоззрение*. 2022. Т. 4. №3. С. 15-25.

Evaluation of the Reforms of Peter I: An Idealistic Approach

©Grigory I. Gerasimov

Tula Museum of weapons, Tula, Russian Federation
e-mail: ggi1957@mail.ru

Abstract. For the first time in historiography, the article assesses the reforms of Peter I from the standpoint of an idealistic approach to history. Peter's reforms in the assessments of historians are constantly changing depending on the theory they adhere to, which leads to the creation of new interpretations and images of the past. Evaluation of the Peter's reforms should be done from the standpoint of the criteria laid down in the Orthodox worldview that prevailed in the Petrine period. The vast majority of the reforms carried out from these worldview positions can be assessed, mostly positively. Unambiguously negatively evaluated: beard shaving, the introduction of foreign clothing and some forms of European life and customs. Synodal church administration and the monastic reforms are generally negatively assessed.

Key words: reforms of Peter I; idealistic approach to history; ideas of Peter I; outlook in history; idealistic methodology; Orthodox worldview.

FOR CITATION: Gerasimov G. I. Evaluation of the Reforms of Peter I: An Idealistic Approach // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2022. Vol. 4. №3. P. 15-25. (in Russ.)

ОЦЕНКИ РЕФОРМ ПЕТРА I В ИСТОРИОГРАФИИ

В историографии нет единого мнения по поводу оценок реформ, проведённых Петром I. Ещё С.М. Соловьёв отмечал меняющееся со временем отношение к петровским реформам: «Благоговейное, религиозное отношение к деятельности преобразователя, господствовавшее долгое время после его смерти, вызвало во второй половине XVIII века противодействие... Начали укорять Петра, что он и для своего времени действовал неправильно, незаконно, изменял старое лучшее на новое худшее» [Соловьёв, 1963:161].

В ранней советской историографии господствовала марксистская теория М.Н. Покровского, с позиций которой причины преобразований были не в личности Петра, а в объективных условиях развития российского капитала: «Завоевание феодальной России торговым капиталом, каким бы временным и непрочным оно ни было, должно было сопровождаться крупными изменениями в быте русского общества» [Покровский, 2002: 134]. Пётр в этой истории не играет значительной роли — он лишь исполнитель и проводник законов истории. Позднее эти оценки в советской истории были заменены сталинскими: «Пётр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Пётр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры» [Сталин, 1951: 104–105]. Эта оценка соответствует марксистскому взгляду на реформы Петра I, однако не имеет отношения к реальным намерениям и делам первого российского императора, потому что он создавал и укреплял совсем другое государство — самодержавную монархию, целью которой было общее благо, а вовсе не благо торговцев и помещиков, к которым он относился ненамного лучше, чем к крестьянству, и, в конце концов, всех своих подданных, —

включая купцов и дворян, сделал «крепостными» на службе у государства.

Царь не считал, что он «драл три шкуры» с крестьян, поскольку в годы войны подданные должны были жертвовать для победы всем, чем могли — солдат и офицер-дворянин — кровью и жизнью, а крестьянин — результатами своего труда. У него и в мыслях не было обогащать помещиков и заводчиков за счет крестьян, — дворяне должны были иметь достаточно средств, чтобы служить царю и Отечеству, а промышленники — для ведения своих торговых и промышленных предприятий, обеспечивающих нужды государства. Все служили государству и царю.

Оценку в духе радикального «перестроечного» либерализма мы находим у Е.В. Анисимова: «Петровские реформы — это еще и апофеоз этатизма, не оставляющего практически и до сих пор места для иных (негосударственных) форм общественного существования. Время петровских реформ — это время основания тоталитарного государства, яркой проповеди и внедрения в массовое сознание культа сильной личности — вождя, "отца нации", "учителя народа". Это и время запуска "вечного двигателя" отечественной бюрократической машины, работающей по своим внутренним и чуждым обществу законам и до сих пор. Это и всеобъемлющая система контроля, паспортного режима, фискальства и доносительства, без которых не могла существовать и наша "административно-командная система". Время Петра — это и столь характерные и для нашего общества страх, индифферентность, социальное иждивенчество, внешняя и внутренняя несвобода личности» [Анисимов, 1989:11].

С современных западных либеральных позиций оценку реформ даёт Р. Пайпс: «...реформы предназначались для того, чтобы выжать из страны больше денег и работы. В этом смысле они являли собою всего лишь улучшенный вариант московских порядков и были куда менее революционны, чем это представлялось современникам, которые в благоговейном страхе перед петровской энергией и иноземным обличем его преобразований не разглядели их ис-

тинных истоков. В общем и целом, Пётр стремился сделать московские порядки более эффективными и поэтому придал им более рациональный характер» [Пайпс, 1993: С. 169].

Либерально-западнические негативные оценки, заключающиеся в том, что царь не признавал личной свободы и прав человека, применял насилие для достижения своих целей, не могут быть признаны правомерными, поскольку идеи ценности свободы, прав человека и гуманизма ни царь, ни русский народ не знали и не разделяли, поэтому им не следовало, а значит, оценивать действия и их результаты по этим критериям неисторично. Нельзя применять к действиям исторической личности ценности и мерки позднейшего времени, о которых Пётр I понятия не имел и которым не мог следовать даже теоретически.

Некоторые авторы считают, что именно усвоение в петровское время европейских идей, нравов, обычаев привело к крушению самодержавной России в 1917 году. Эта точка зрения разделяется и православной церковью [Иоанн (Снычев), 1995: 83–84]. Однако винить Петра I в том, что произошло через двести лет после его реформ нелогично и неправильно. Пётр I не желал умаления православной веры, не стремился к демократии, социальному равенству и справедливости. Его идея общего блага не включала в себя ни либеральных, ни коммунистических ценностей, да они в тот период еще и не были сформулированы. Да, Пётр I «прорубил окно в Европу» и оттуда хлынул поток идей, но усваивать их или нет, следовать им или не следовать — это был позднейший выбор русских людей.

Таким образом, петровские преобразования в оценках историков постоянно меняются в зависимости от той теории, которой они придерживаются. Появление новых исторических теорий неизбежно приведёт к новым оценкам петровской реформы, обосновываемым одним и тем же набором фактов и создающим на их основе новые образы прошлого. Постоянное переписывание истории ставит под сомнение научность исторического знания.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В историографии оценка и интерпретация любого исторического события всегда производится историком, исходя из определённой теории, содержащей в себе критерии этой оценки. Наиболее крупной теоретической системой является мировоззрение человека, которое позволяет создать непротиворечивую картину мира, включая и его прошлое, поэтому каждое мировоззрение имеет свои собственные исторические идеи, сформированные в определённые концепции.

Чаще всего историк интерпретирует и оценивает историческое событие, исходя из современных ему мировоззрения и исторических концепций. Это обуславливает отличие его образа прошлого от тех, которые были созданы предшественниками, руководствовавшимися при написании своих историй иными мировоззренческими и историческими концепциями. Сложившийся подход неизбежно ведёт к переписыванию истории при смене господствующего мировоззрения, либо исторической теории в рамках одной мировоззренческой парадигмы.

В данной статье автор предлагает при оценке петровских реформ исходить из положений разработанного им идеалистического подхода к истории [Герасимов, 2022], считающего, что исторические действия определяют не внешние по отношению к человеку силы, а идеи, созданные его разумом. Эти идеи предшествуют действиям людей и определяют их, поэ-

тому понимание идей является обязательным условием понимания причины исторического действия. Идеи, которыми руководствовался в своих действиях исторический деятель, в таком случае, являются их смыслом и содержанием. Поняв идею, лежащую в основе исторического действия, историк понимает смысл и содержание этого действия, и на этой основе может перейти к его оценке и интерпретации.

Идеалистический подход полагает, что нельзя оценивать действия исторического деятеля критериями сегодняшнего дня, поскольку он о них не знал, наши современные идеи не разделял и им не следовал. Как нельзя судить человека по законам будущего, о которых он не ведал и следовать которым не мог, точно также нельзя судить о действиях человека с тех мировоззренческих и концептуальных идейно-исторических позиций, которых в прошлом не существовало.

Поскольку историк не может оценивать историческое событие, не опираясь на какую-либо идейно-ценностную систему, то в качестве таковой предлагается выбрать ту, которая была господствующей в оцениваемый исторический период. В таком случае историк должен оценивать результаты действий и реформ Петра I с позиций православного мировоззрения начала XVIII века. Этими критериями руководствовались и люди того времени, включая Петра I. Это позволяет не только адекватно понимать причины и сущность исторических действий, но и обеспечивает неизменность их оценок и интерпретаций, поскольку историк будет руководствоваться не вновь созданными критериями, а теми, которые существовали в исследуемую историческую эпоху и уже измениться не могут. Критерии оценки в таком случае существуют до и вне сознания историка а, следовательно, — объективно.

Такой подход позволяет избежать постоянного переписывания истории и приближает её к естественным наукам, имеющим прочное основание для оценок в реальности, находящейся вне сознания исследователя. Для истории таким основанием становятся мировоззренческие идеи, которые могут передаваться из прошлого в настоящее без искажения их содержания, т.е. оставаясь истинными, — соответствующими самим себе.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА

Исследовательская программа, основанная на идеалистическом подходе, включает в себя не только установление тех событий, которые произошли в конце XVII — нач. XVIII вв. и которые достаточно подробно описаны в литературе; но, прежде всего, определение основных идей господствующего в то время мировоззрения и критериев оценки исторических действий, вытекающих из этих идей; понимание идей, которыми руководствовался автор реформ — Пётр I и соотношение их с главными идеями исторического православного мировоззрения; и наконец, оценка преобразований, проведённых Петром, исходя из критериев господствующего в конце XVII – нач. XVIII вв. православного мировоззрения.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

Православное мировоззрение [Подробнее см.: Герасимов, 2022] общества в петровскую эпоху было неоднородным. Идеальная монолитность периода Святой Руси была нарушена расколом и все большим усвоением и применением европейских рационалистических и научных идей. Православное мировоззрение имело два крайних крыла: ортодоксальное

— старообрядческое; и западничское — рационалистическое. Оба крыла не были многочисленными, менее всего сторонников имело рационалистическое. Большинство народа и элиты придерживалось умеренно-православных взглядов, сформированных в период никоновских реформ. Часть элиты начала активно усваивать рационалистические взгляды на мир. Именно она составила движущую силу петровских преобразований. Первоначально она была малочисленна. Её главной силой был сам царь, именно он, как Помазанник Божий, имел право на коренные преобразования в рамках православного мировоззрения.

ИДЕИ ПЕТРА I И ПЛАН РЕФОРМ

Обычно утверждается, что Пётр I не имел плана реформ, и его преобразования проводились хаотично, решения принимались, исходя из нужд текущего момента. Действительно, во время Северной войны многие его действия кажутся ответом на потребности быстроменяющейся ситуации, однако, если приглядеться более внимательно, то становится ясно, что все его реформаторские действия были сильно растянуты во времени, некоторые длились от нескольких лет до десятилетий, что вовсе не похоже на простую рефлексию на текущие события.

Неправильно смотреть на Петра I как на человека, реагирующего лишь на внешние воздействия среды: восстания стрельцов, казаков и крестьян, заговоры, военные поражения и победы. Царь действовал, исходя из своего взгляда на мир, который был сформирован у него достаточно рано и мало менялся в своих основных чертах после 1700 года. Анализ событий показывает, что решение внезапно возникающих задач давалось, исходя из тех идей, которые уже сложились в сознании царя, и именно эти идеи оформлялись в реформы, меняющие важные стороны жизни общества и государства.

План реформ имманентно содержался в мировоззрении царя, определялся им и корректировался, исходя из внешних обстоятельств, однако основополагающие идеи, лежащие в основе действий Петра I, оставались неизменными. Они и предопределяли действия царя, суть, смысл, последовательность и направленность его реформ. Это и был неформальный план его реформ.

Идеи Петра I, лежащие в основе его реформ, достаточно хорошо известны: доминирующими были главные идеи православия; идея реформирования церковного управления и монастырской жизни; идея общего блага; идея копирования западной жизни и быта; создание сильного государства, армии и флота европейского типа; идеи меркантилизма в экономике; развитие промышленности и торговли; идея завоевания выхода к морю и установление, таким образом, надёжной торговой и интеллектуальной связи с Европой.

Все эти идеи были воплощены в конкретные организационные и институциональные формы. Поскольку мы в состоянии понять эти идеи, значит, способны правильно понять смысл и содержание действий Петра I. Оценивать же их результаты мы будем с позиций господствующего в то время православного мировоззрения.

Религиозные взгляды Петра. Основу мировоззрения Петра I составляло православие. А. Карташев пишет: «Бесспорно Петру родственен был утилитарный практический взгляд на роль религии в деле государственном, но он не исключал в Петре глубокого и живого понимания религии... Он был достаточно умён и талантлив, чтобы модный и свойственный ему рационализм и утилитаризм могли исказить в нем полную православную религиозность» [Карташев, 1992: 323]. Большая часть усвоенных им в Европе рационалистических

идей были относительно новыми для России, но они ещё не были атеистичными и не противоречили христианскому мировоззрению. Позднее, когда гуманизм вытеснил Бога из рационалистического миропонимания, эти идеи стали противоречить христианству, а в XVII–XVIII веках их создатели ещё старались связать рационалистические концепции с верой в Христа, замаскировать возможные противоречия.

«По свидетельству Нартова, Пётр "был истинный богопочитатель и блюститель веры христианской. Подавая многие собою примеры того, говаривал о вольнодумцах и безбожниках так: "кто не верует в Бога, тот либо сумасшедший, или с природы безумный. Зрячий Творца по творениям познать должен"» [Цит. по: Карташев, 1992: 322].

В литературе в качестве антихристианских взглядов и убеждений царя приводится его «веротерпимость (исключая традиционное негативное отношение к евреям, исповедующим иудаизм), дружба с различными иноверцами, интерес к мировым религиям, естественно-научным проблемам, отказ от ритуальных норм древнерусского "благочестия" как важнейшей черты самодержца, крайне отрицательное отношение к суевериям, корыстолюбию церковников, презрение к монашеству как форме существования, кощунственное шутство Всепьянейшего собора и, наконец, самое важное — реформа церкви, приведшая к ее окончательному подчинению власти государства» [Анисимов, 2009: 33–34]. Однако, за исключением кощунственных выходов Всепьянейшего собора, которые оскорбляли чувства верующих, а также бритья бород и ношения «бесовской» иноземной одежды, что являлось, по мнению православных людей, большим грехом [Перри Морин, 2016: 82–83], остальные его идеи и действия антихристианскими считать нельзя.

Церковная реформа, хоть и осуждалась, но против неё никто из православных иерархов открыто не выступил, только старообрядцы посчитали её очередным признаком пришествия Антихриста, наряду с брадобритием и иноземной одеждой. Кроме перечисленных прегрешений, более за Петром I ничего отрицательного с позиций православия не числилось. Он был сыном своего времени, вполне разделял основные идеи православного мировоззрения и старался соответствовать им. А это значит, что, если судить его меркам православной морали того времени, то он будет осужден только за то, что сегодня ему в вину никто не поставит: брадобрейство, навязывание иноземных обычаев, издевательство над отдельными обрядами тогдашней церкви и, отчасти, — введение синодальной формы управления церковью.

Петра I неоднократно упрекали в протестантизме, однако ни одной принципиально важной его идеи он не привнёс в русское православие и ни одной православной идеи не искал в протестантском смысле. Как считает Е. Анисимов: «Антицерковная политика Петра никогда не становилась антирелигиозной, а в церковной же его политике нет ни малейшей тенденции к протестантизму. Нельзя не заметить и полной пассивности, и уклончивости Петра, когда деятели католицизма предлагали ему реализовать старую идею Флорентийской унии об объединении церквей. То же предлагали и протестантские епископы» [См.: Величко, 2006: 133–135].

Относительно веротерпимости Петра I, выразившейся во введении принципа «территориализма» в России, то веротерпимость, даже теоретически, не означает умаление православия, поэтому введение принципа «территориализма» не противоречит главным идеям православного мировоззрения.

Подчинение церкви государству и искажение принципа «симфонии властей», выразившееся в упразднении патриаршества и создании Святейшего Синода, сегодня оспаривается [См.: Величко, 2006: 133–135].

Митрополит Иоанн пишет: «Крутые и зачастую плохо продуманные реформы, ставшие отличительной чертой эпохи российского "просвещённого абсолютизма" и внедрявшиеся с полным пренебрежением к многовековому соборному опыту, без всякого совета с народом, породили в русском духовном монолите массу трещин и болезненных разногласий, которыми не преминули воспользоваться недоброжелатели России. Начался активный процесс "гуманизации" русской жизни, её секуляризации и расцерковления. Закономерным результатом такого процесса через два столетия стала духовная катастрофа революции 1917 года со всеми следовавшими затем кошмарами злобной русофобии, "совдеповского" сатанизма и иноверческого, инородческого господства» [Иоанн (Снычев), 1995: 83–84]. Из данной оценки православного деятеля мы видим, что его основные претензии относятся к петровским преобразованиям, которые привели к «духовной катастрофе революции 1917 года». Однако, исходя из методологии идеалистического подхода, историческому деятелю нельзя ставить в вину действия его последователей, даже в том случае, если они были продолжением его начинаний. Пётр I не планировал катастрофы 1917 года, не желал «"совдеповского" сатанизма и иноверческого инородческого господства». Он не может отвечать за действия своих наследников, тем более произошедшие через столетия после его смерти. В этом, на наш взгляд, Пётр «не грешен» перед историей — это вина его последователей.

О ПОДМЕНЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВА ИДЕЕЙ ОБЩЕГО БЛАГА

Историк церкви А.В. Карташов пишет о реформе Петра I: «цель власти — пецись о благосостоянии общей пользы. Задача чисто утилитарная, земная. Ничего специфически религиозного. Старый теократический идеал просто забыт. В этой системе ему нет места. В прежней теократии последней целью было приведение христианского народа в вечное царство Христово. Монарх с его утилитарными попечениями был слугой этого церковного идеала и направлял весь ход земных попечений в этом духе. Теперь произошла переоценка ценностей. На место последней и высшей цели встала утилитарная задача государственной власти» [Карташов, 1992: 325]. В доказательство тезиса, что Пётр I отказался от «приведения христианского народа в вечное царство Христово», весомых аргументов А.В. Карташов не приводит. Православие было и оставалось главной идеей российского государства при Петре I, поэтому все усилия этого государства были направлены, прежде всего, на защиту и распространение христианской веры. Главным институтом, осуществлявшим государственную идеологию, по-прежнему оставалась церковь. Цель церкви — спасение душ верующих не изменилась, государство не ставило и не могло поставить перед церковью иной задачи. Тесная связь с государственным аппаратом, встраивание в его структуру позволяли Русской православной церкви более эффективно и легко решать многие свои задачи, прежде всего материальные и миссионерские.

Идея общего блага в то время не противоречила христианской идее, она её скорее дополняла, и в качестве дополняющей не представляла никакой опасности для христианской веры. Вышеприведённое утверждение А.В. Карташева о том, что идея общего блага в правление Петра I вытеснила веру в Христа не подтверждается ни документально, ни фактически. Рационализм пришёл на смену православию не в форме идеи общего блага, а в качестве либерализ-

ма и коммунизма и случилось это намного позднее, за что Пётр I исторической ответственности нести не может, хотя рационалистические идеи, которые он реализовал в ходе своей реформы, создавали для этого идеологическую основу. Однако на этой основе можно было не только развивать рационалистические идеи, но и приспособить их к православию. Последующие поколения правителей и представителей интеллектуальной элиты этой духовной работы не провели, но это не вина Петра.

В XIX веке победило западническое рационалистическое идейное направление, которое пошло по пути секуляризации, разрыва с православием и все большего заимствования европейских либеральных идей. Этого Пётр I не хотел, об этом свидетельствует приписываемая ему А.И. Остерманом фраза о том, что «нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом» [Цит. по: Ключевский, 1993: 63]. Хотя это высказывание документально никем больше не подтверждено, оно органично вписывается и в мировоззрение царя, и в логику его действий.

ЦЕРКОВНАЯ РЕФОРМА

А.В. Карташев утверждает, что реформа управления Церковью была неканоничной как формально, так и по существу [Карташев, 1992: 349]. Вопрос о каноничности реформы управления церковью спорный, о чем говорит и тот факт, что восточные патриархи, которых Пётр поставил в известность об изменениях в управлении церковью, против реформы не возражали.

Процесс реорганизации церковного управления не встретил видимого сопротивления ни со стороны русских иерархов церкви, ни среди паствы. В целом, с позиций тогдашнего господствующего православного мировоззрения эта реформа не была вредной.

Церковная реформа соответствовала идеям и целям Петра I, её суть заключалась в том, чтобы подчинить управление церкви царю и исключить возможность ее негативного влияния на государство, предотвратить попытки подчинения царской власти патриарху, как это случилось в период правления Алексея Михайловича. В тоже время положению церкви, как института поддержания и распространения православной веры, значительного вреда принесено не было. Государство преследовать цели, определяемые православным вероисповеданием. В чем-то положение церкви улучшилось: Святейший Синод, ставший, наравне с Сенатом, одним из высших официальных государственных учреждений, получил в своё распоряжение колоссальный государственный ресурс и поддержку. Решения Синода восходили непосредственно к царю и осуществлялись от его имени.

В конкретный период правления царя Петра I существование параллельного центра власти, на что мог претендовать патриарх, было скорее злом, чем благом для государства и народа. Глядя на результат церковной реформы с позиций тогдашней церкви, как социального института, можно утверждать, что она скорее потеряла, чем приобрела, однако государство и общество, вероятнее всего, от реформы выиграли.

Неприятие реформы старообрядцами не может значительно повлиять на оценку этой реформы, поскольку практически все изменения в церковной жизни и отклонения от их ортодоксальных взглядов они воспринимали как негативные, но старообрядческий взгляд не был доминирующим в православном мировоззрении. Учитывая это, тем не менее, основывать оценки петровских реформ только на мнении старообрядцев представляется неправильным.

МОНАСТЫРСКАЯ РЕФОРМА

Первым по времени церковным преобразованием стала реформа монашеской жизни. В именном указе от 30 декабря 1701 г. Пётр I определил цели реформирования: «не ради разорения монастырей, но лучшего ради исполнения монашеского обещания» [ПСЗ, м 1886: м81–182], позднее, в именном указе Синоду от 31 января 1724 г. Пётр изложил цель и содержание реформы [ПСЗ-1, 1830: 226–233].

Царь имел своё собственное представление о сути и значении монашества, которое, по его мнению, должно было следовать примеру древних монахов, жить в аскезе, добывая хлеб трудами своими и от этих трудов нищих кормить, «нынешние же монахи не только нищих не питают от трудов своих, но сами чужими трудами пробавляются, и начальные монахи в роскоши живут» [ПСЗ-1, 1886: 182].

Поскольку суровый климат России не позволял, по мнению Петра I, монахам существовать от трудов своих, то они завели себе вотчины, с которых кормятся, вследствие чего обленились и тунеядствуют. Царь считал, что большая часть пошли в монахи не по совести, а для лёгкой жизни и уклонения от тягла. Также он не признавал за монахами ни особых заслуг в знании и понимании Священного Писания, ни особой пользы от их молитвы для спасения душ православных. Царь считал, что многочисленное монашество не помогло Византии, и Царьград пал, когда его некому было защитить, при наличии множества монахов, способных стать воинами. При этом Пётр не отрицал значения монастырей в церковной жизни.

Реформа монашества исходила из целей и традиций православия, как их понимал царь, укрепления государства и идеи общего блага, что предполагало ликвидацию «праздности» монашествующих и обращение их на путь подвижничества и благотворительности. Для чего в мужских монастырях планировалось устроить госпитали для раненных и увечных солдат и приюты для нищих. Женские монастыри предлагалось использовать для призрения нищих и воспитания сирот. Кроме этого, в двух монастырях предлагалось готовить в семинариях монахов для богословских занятий и избранию в архимандриты и архиереи.

Реформа вызвала естественное недовольство монахов, но в среде православного народа, видимо, нашла понимание, поскольку никто за монашествующих не вступился.

Если исходить из православного мировоззрения, то цели реформы не отклонялись от целей православия. Не посягая на религиозное предназначение монастырей, царь хотел изменить их социальные функции и решить некоторые государственные проблемы: призрение нищих, раненных воинов, сирот; получение экономических выгод от монастырского хозяйства.

Если сравнить идеи, лежащие в основе монастырской реформы, с ее ходом и результатами, то можно сделать вывод о том, что идеи, соответствовавшие православному мировоззрению, были в основном воплощены в жизнь, а вот социально-экономические — достичь поставленных целей, определённно, не смогли. Монастыри не стали ни госпитальми, ни сиротскими домами, да и экономии государственному хозяйству они не принесли. Справились ли они со своей основной задачей — облегчением спасения душ православных — ответить на этот вопрос в рамках научного исследования не представляется возможным, хотя с точки зрения православного мировоззрения этот вопрос является самым главным, а все остальные: реформирование монастырского хозяйства; уход за ранеными, нищими и убогими; — это все факультативные занятия для монастырей и оценка их не может повлиять на главный результат.

В целом, преобразование Петром I церковного управления и монастырской жизни, судя по реакции православного народа и иерархов церкви, не вызвало особой негативной реакции. Народных волнений в защиту монахов и монастырей не было, иерархи церкви промолчали. Это не означает, что они боялись негативных последствий для себя лично, вспомним, как боролись и умирали за веру священнослужители и искренне верующие православные в годы раскола или советской власти. Не страх за себя удерживал православных в начале XVIII века от выступлений против петровского церковного реформаторства, а вера в царя как помазанника Божия и сомнения в своей правоте при осуждении его действий. Эта неуверенность имела под собой веские основания, поскольку царь не нарушил ни одной из основополагающих христианских идей, а значит, продолжал оставаться православным царем — защитником православия и церкви.

ИДЕЯ ОБЩЕГО БЛАГА

В православном мировоззрении Петра I, наряду с христианскими идеями, сосуществовал и ряд европейских рационалистических, выработанных в XVII веке. Прежде всего, — это была идея общего блага. Она имеет античные корни, но Петру она была, вероятнее всего, известна в интерпретации Гоббса, который считал, что общее благо — главная цель и задача государства, и «человек должен согласиться отказаться от права на все вещи в той мере, в какой это необходимо в интересах мира и самозащиты, и довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим, какую он допустил бы у других людей по отношению к себе» [Гоббс, 1991: 156].

Исходя из своего православного мировоззрения, Пётр I искренне верил, что ему — царю — помазаннику Божию, лучше других известно, что есть общее благо для русского народа. Эта твёрдая уверенность прослеживается во всех его Указах, манифестах, речах, письмах, а убежденность в своей безусловной правоте придаёт ему силы и беспощадность в осуществлении того, что содействует «общему благу», т.е. его воле. В Манифесте «О вызове иностранцев в Россию» 1702 г. Пётр так трактовал своё понимание этой идеи: «со вступления нашего на сей престол все старания и намерения наши клонились к тому, как бы сим государством управлять таким образом, чтобы все наши подданные, попечением нашим о всеобщем благе, более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние» [ПСЗ, 1830: 192].

В рамках идеи общего блага государство признавалось универсальным инструментом решения всех задач общества, поэтому оно вправе регулировать все основные стороны жизни общества, народного хозяйства, сословного строя, благоустройства городов и сел, быта и повседневной жизни человека. Для реализации идеи общего блага необходимы законы, осуществление которых обеспечивает государство при помощи полиции, которая приобретала большую власть и значение. Армия и флот обеспечивали безопасность государства и его подданных, охраняя веру православную и их общее благо.

Европеизм Петра. Во время пребывания в Европе Пётр I выработал очень простую и ясную идею, которой следовал всю последующую жизнь, — сделать Россию похожей на Европу, перенимая у последней её идеи, технику, науку, технологии, военное дело, быт, одежду, нравы. Следуя этой мысли, Пётр I нанимал за границей специалистов и посылал русских учиться в Европу. Одновременно с усвоением знаний, навыков, технологий, методов и форм государственного управления менялась и жизнь русского человека. Идея перенять у Европы её достижения в большинстве случаев не вызывала

отторжения у русских людей, поскольку без учёта долговременных последствий, которые в то время никто предвидеть не мог, они не представляли опасности для традиционного православного мировоззрения. Легче всего усваивались военные новшества, которые Россия уже несколько столетий перенимала и на Западе, и на Востоке.

Первые успехи естествознания и математики породили в европейцах XVII века веру во всемогущую науку, и эта вера была усвоена царём. Он был страстным поклонником науки и стремился к её развитию в России. Однако православие со времён Григория Паламы с подозрением относилось к науке [св. Григорий Палама, 1995] и, хотя большого вреда в ней не видели, но и пользы особой не ожидали.

Наиболее опасной с точки зрения православия оказалась заимствование европейской одежды и бритьё бород. В 40-й главе решений Стоглавого собора 1551 года содержится прямой запрет на бритьё бород, поскольку «Сам Бог Моисею рече, и святые Апостолы запретиша, а Святые Отцы прокляша, и от Церкви таковых отлучиша». Это положение было усвоено Русской православной церковью и народным сознанием. Бритьё бород рассматривалось как серьёзный грех, мешающий спасению души, поэтому те, кому насильно обрезали бороду, просили впоследствии положить «её с ним в гроб и похоронили вместе с ним, для того, чтобы явившись на тот свет, он мог дать отчет о ней Св. Николаю» [Перри, 1871: 127]. Действия Петра представлялись в этом случае «душегубной хитростью Антихриста, воцарившегося в мире» [Михневич, 1882: 83]. То, что сегодня трактуется как некое недоразумение и курьёз, на деле имело глубокие мировоззренческие причины, малопонятные современному человеку.

С позиций православного мировоззрения, считавшего спасение души главной ценностью, — брадобрейство и ношение «бесовского» платья являются наиболее тяжкими грехами Петра I. Ни рекрутские наборы, ни кратное увеличение налогового бремени, ни великие стройки «на костях» не имели такого неприятия, как бритьё бород и переодевание народа, потому что они мешали главному делу православного человека — спасению его души.

РАЦИОНАЛИЗМ ПЕТРА

Новые рационалистические идеи соединились с традиционным религиозным мировоззрением в сознании Петра I не «механически», как это порой утверждается [Карташев, 1992: 321], а органически. Они были встроены в православное мировоззрение, подчинялись ему и не могли в этом качестве быть секулярными. Позже, когда в рационализме гуманизм занял место религии, а человек — место Бога, тогда соединение религии и научного рационалистического мировоззрения действительно стало «механическим». Это случилось позже и не сразу во всем обществе. В XVIII веке рационализм охватил высшие слои общества, в XIX распространился на образованных разночинцев, а к концу века — и на часть рабочего класса. Но не вина Петра I, что последующие правители России не смогли остановить этот процесс, начало которому лежит даже не в петровской эпохе, а во времени его отца — Алексея Михайловича.

О ГОСУДАРСТВЕ

Наряду с идеей общего блага, Пётр I усвоил и европейскую идею сильного государства, которое должно это благо осуществить.

Обе эти идеи были встроены в православное мировоззрение царя на роли подчинённых и являлись, по сути, инструментами для усиления реального православного российского государства и общества, существовавшего в период Петра I. Поэтому эти идеи неизменно появляются в текстах его Указов и речей в увязке со ссылками на Бога, который является главной системообразующей идеей петровского мировоззрения.

В Европе применение теории общего блага к цели существования государства появляется тогда, когда рационализм начинает преобладать в сознании христиан. Становится популярной идея, согласно которой Бог создал этот мир и отдал его людям, теперь они творят свою историю без божьего вмешательства, а это значит, что для власти монархов нужны новые основания. Помазанники Божии перестают быть таковыми в глазах подданных. Появляется необходимость в иной идейной основе королевской власти. Таким фундаментом становится теория общественного договора, на основании которого подданные якобы передали власть своим правителям, и теория общего блага, к которому эти правители должны стремиться. Третье обоснование — это необходимость государства, поскольку без него в обществе развернётся гоббсовская «война всех против всех». Эти важнейшие идейные составляющие европейских абсолютистских монархий XVII–XVIII вв. не были нужны для российской царской власти, фундаментом которой оставалась Божья воля.

Рационалистическая идея государства, с которой Пётр I познакомился в Европе, была иной, нежели идея православного царства, — Святой Руси, как власти, данной Богом царю — Помазаннику Божию для сохранения и распространения христианской веры. Европейское понимание государства было рациональным, оно полагало его не божественным учреждением, а результатом человеческой деятельности, которая должна была упорядочить и облегчить жизнь общества. Пётр I не взял европейскую концепцию во всей её полноте, а лишь частично и только в той мере, в которой она могла быть инкорпорирована в русское православное мировоззрение. Идея сильного государства была близка идее сильной власти царя, поэтому не встретила сопротивления в православном сознании.

Одну из важнейших европейских идей того времени, входившую и в концепцию государства, — идею общественного договора, — Пётр I никогда не упоминал. Договор с подданными для него был невозможен даже теоретически, поскольку договариваться было не о чём. Царь считал, что его власть от Бога, а не от людей.

Европейская идея государства в той части, в которой она предполагала, что государство — это творение людей, тоже была чужда Петру I. Он никогда бы не согласился с утверждением императора Леопольда II, который в своё время писал: «Я думаю, что суверен, даже наследственный, есть только делегат и служащий народа, для которого он и создан» [Цит. по: Рейснер, 1905: 279]. Подобная идея службы народу была неприемлема для царя, напротив, народ служит Петру, как Помазаннику Божию. Для Петра I служба государству и отечеству, — это, прежде всего служба Богу, перед которым он отчёт имеет, а не людям.

Пётр I принял такую формулу общего блага, которая хорошо сочеталась с назначением православного царя, знающего, что нужно народу и государству. Государство, в понимании Петра I, является проводником и хранителем христианской веры. Эта вера не противоречит идее общего блага, более того, она и является главным стержневым понятием этого блага. Только в таком виде она могла быть принята в начале XVIII века православным народом и его элитами.

В литературе часто приводится приписываемая Петру I речь перед Полтавской битвой, изложенная в сочинении

Феофана Прокоповича: «Ведало бо российское воинство, что оной час пришёл, который всего отечества состояние положил на руках их, или пропасть весьма, или в лучший вид отродиться России, и не помышляли бы вооружённых и поставленных себя быти за Петра, но за государство, Петру вручённое, за род свой, за народ Всероссийский... Едино бы сие имели в оной акции пред очима, что сам Бог и правда воюет с нами, о чем уже на многих военных действиях засвидетельствовал им помощию своею сильный в бранех Господь на того единого смотрели бы, а о Петре ведали бы известно, что ему житие своё недорого, только бы жила Россия и Российское благочестие, слава и благосостояние» [Феофан Прокопович, 1788: 249–250]. Как считает Е.В. Анисимов, более вероятными являются слова Петра I: «Сделайте, братия, так, как я буду делать, и все с помощию Всевышняго будет добро. За победу после трудов возмолит покой» [Журнал государя Петра I, 1788: С. 92–93].

Отличие этих текстов, прежде всего, в отсутствии в последнем призывов к защите государства и России, её благосостоянию, которые можно рассматривать как отсылку к европейским концепциям государства и общего блага. Из сравнения текстов видно, что Пётр, в отличие от интерпретации Прокоповича, говорит только о Боге и примере царя, что было близко и понятно для любого православного того времени. Феофан же даёт развёрнутую речь, обоснованную европейскими концепциями, которые в то время были непонятны и чужды русскому солдату, поэтому Пётр не мог употребить их в своей речи в столь ответственный момент. Более поздние варианты речи Петра ещё сильнее отсылают к европейским идейным конструктам Отечества, государства, общего блага. Это приписывание Петру I тех идей, которых он не разделял и которым не следовал в своей практике.

В конце XVIII века, когда рациональные идеи были уже достаточно широко распространены, именно тогда и оказались востребованы сочинения Феофана Прокоповича, а настоящие слова Петра I на их фоне казались неяркими и не могущими вдохновить российское воинство. Это историческая абберрация, присущая историческим текстам, оценивающим и интерпретирующим события прошлого с позиций настоящего.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИДЕИ ПЕТРА

В историографии бытует мнение, что экономическое развитие России в начале XVIII века определялось не столько идеями меркантилизма, сколько необходимостью победы в Северной войне [Анисимов, 2009: 96]. Действительно, масштабы строительства металлургической, оружейной, текстильной и других видов промышленности, связанных с обеспечением потребностей армии и флота, были вызваны потребностями войны. Однако цели, формы и способы экономического развития определялись идеями меркантилизма, заимствованными Петром I у европейцев. Войну можно было бы обеспечить и иным, — более традиционным способом — при помощи закупок вооружения и необходимых товаров за рубежом. Не война определяет экономические формы, обеспечивающие её потребности, а те экономические идеи, из которых исходят люди, управляющие народным хозяйством государства, ведущего эту войну.

Как и в отношении других европейских идей, экономические Пётр I брал выборочно, — только те, которые считал необходимыми и возможными приспособить для нужд российского государства. На экономику он смотрел только с позиций государства, обогащение и польза отдельных промышленников и купцов рассматривались только как награда им за развитие государственно значимых производств и торговли.

Цель — скорейшее создание новейших промышленных и технологических форм в больших масштабах, определяла способы её достижения. В тех случаях, когда, по мнению Петра I, эффективнее было государственное производство, он шёл на создание казённых заводов, однако при необходимости мог выкупить частное предприятие в казну, либо наоборот, передать в частные руки завод, построенный за государственный счёт. При этом царь исходил из интересов государства, а не частных лиц.

Из достаточно сложной концепции меркантилизма Пётр I взял несколько идей: страна богатеет, если вывозит больше товаров, чем ввозит; выгодней вывозить готовые изделия, а значит, надо развивать обрабатывающую промышленность при покровительстве государства; вмешательство государства обеспечивает более выгодные условия торговли; наибольшие выгоды от торговли можно получить в том случае, если она обеспечена государственной политической и военной мощью; правильно организованная торговля усиливает государство.

В концепции меркантилизма Пётр I наиболее прочно усвоил и настойчиво продвигал идею протекционизма, заключающуюся в защите российской промышленности и торговли от конкурентов. Отечественные купцы и промышленники получали многочисленные льготы, субсидии, государственную поддержку, а иностранные конкурирующие товары облагались заградительными пошлинами. Такая политика привела к стремительному росту российской промышленности.

Поддержка «отечественного производителя» заключалась в том, что государство строило за казённый счёт предприятия и передавало их в частную собственность; давало крупные заказы частным заводам; обеспечивало производство, в том числе и частное, сырьём; прикрепляло крестьян к заводам, обеспечивая их рабочей силой; снижало налогообложение.

Ещё одна идея Петра I, связанная с концепцией меркантилизма, заключалась в том, чтобы создать самодостаточный отечественный промышленный комплекс, обеспечивающий страну, армию и флот главными промышленными изделиями. Эта идея была реализована в части металлургической и отчасти военной промышленности.

Развитие промышленности и торговли не противоречило господствующему православному мировоззрению. То, что петровская промышленность развивалась на основе крепостнического труда, что в будущем стало причиной её отставания, не может быть поставлено в вину Петру I, поскольку в его время промышленность выполняла поставленные перед ней задачи, а проблемы, возникшие позже, должны были решать другие правители и поколения российской элиты.

Идея создания сильной экономики органично сочеталась с идеей общего блага, поскольку в идеале была нацелена на повышение благосостояния всего народа, однако в конкретных военных условиях она закономерно обернулась обнищанием значительной части населения страны, поскольку создание государственной промышленности могло идти только за его счёт.

КАМЕРАЛИЗМ

С идеями меркантилизма, общего блага и сильного государства была связана европейская идея камерализма, которая рационалистически обосновывала и определяла политику государства по сосредоточению в его руках денежных ресурсов, обеспечению экономической самодостаточности и достижению на этой основе всеобщего благополучия.

Большое значение камерализм отводил рационализации государственного управления, которое строилось по функциональному принципу, чётко разграничивая сферы управления.

Все учреждения создавались на единых основаниях и работали по единым регламентам. Наиболее последовательно концепция камерализма была реализована в Швеции. Пётр I ознакомился с ней, был восхищен эффективностью шведского государственного аппарата и приказал взять его за образец при реформировании центральных органов управления.

Одной из идей камерализма была коллегиальность управления. Пётр также считал, что «все лучшее устройство через советы бывает» [Устав воинский, 1997: 197]. Принцип коллегиальности был заложен и в прежнюю приказную систему, однако в ней он проводился ограниченно и непоследовательно, что вело к непроработанности решений и злоупотреблениям. Реализуя идею коллегиальности, Пётр I преследовал следующие цели: окончательно сломать систему местничества; предотвратить злоупотребления; повысить эффективность принимаемых решений, путём снижения субъективизма и волюнтаризма, присущих единоначалию.

Вместе с тем, внедрение коллегиальности влекло за собой и негативные последствия: размывание ответственности за принимаемые решения, волокиту при подготовке и рассмотрении дел, а также их реализации.

Идеи камерализма воплотились в создании в 1718 году 9 коллегий:

- иностранных дел;
- военной;
- адмиралтейств-коллегии;
- камер-коллегии;
- юстиц-коллегии;
- и др.

Порядок работы и делопроизводство коллегий определял Генеральный регламент 1720 года. Идея коллегиальности была воплощена и в деятельности Святейшего Синода, однако в данном случае она входила в противоречие с православной идеей соборности управления церковью, во всех остальных камерализм и коллегиальность не вступали в противоречие с православным мировоззрением.

ИДЕЯ ВОЙНЫ

Война в рамках идеалистического подхода — это способ реализации идей с помощью вооружённого насилия. Пётр I в ходе своих войн стремился воплотить в реальность идею выхода к морю, активизации торговли и экономического подъёма страны. Для достижения победы ему понадобилось:

- создать современную армию и флот;
- военную промышленность;
- экономику, обеспечивающую войну всем необходимым;
- а также государственный аппарат, способный организовать вооруженные силы;
- обеспечить эффективное управление государством и обществом в военное время.

Не все войны и военные походы Петра I были победоносными, но главную войну — Северную, он выиграл. Победой закончился и Каспийский поход. В результате этих побед Россия получила выход к Балтийскому морю, территории в Прибалтике и на побережье Каспийского моря. Эти победы были положительно оценены с позиций господствующего мировоззрения, поскольку способствовали расширению сферы влияния православия, усилению государства, а в перспективе — развитию экономики и обеспечению общего блага.

В историографии часто высказывается утверждение, что реформы были вынужденной мерой, вызванной необходимостью победы в войне. Например, В.О. Ключевский пишет: «Пётр стал преобразователем как-то незначай, как будто нехотя, поневоле. Война привела его и до конца жизни толка-

ла к реформам» [Ключевский, 2002: 317], но ведь сама война была вызвана реформаторской идеей — завести торговлю, обмен товарами и идеями, установить плотный контакт с Европой. Без понимания этого неясно, зачем России Прибалтика.

ОЦЕНКА СООТВЕТСТВИЯ РЕФОРМ ИДЕЯМ ПЕТРА I

Реформы Петра I вытекали из идей православия, усвоенных им в детстве, а также ряда идей, в том числе и рационалистических, полученных как в России, так и в Европе. Главной идеей продолжала оставаться вера в Христа, которая определяла цель реформирования — сохранение, укрепление и расширение православия.

Рационалистические идеи:

- общего блага;
- укрепления государства;
- меркантилизма;
- камерализма;
- коллегиальности;
- заимствования европейских технических, военных, научных достижений, — не противоречили в то время православному мировоззрению и поэтому с его позиций могут быть оценены как положительные, поскольку укрепляли власть царя и возглавляемого им государства, усиливали армию, способствовали укреплению и распространению православной веры.

Реформы сопровождалась неизбежными издержками, в виде увеличения налогов, тяглого бремени рекрутских наборов. Эти издержки не вытекали напрямую из идей Петра I, не являлись целью его реформ, а были вынужденной мерой, призванной обеспечить победу в войне и преобразованием государства и экономики.

Анализ идей Петра I не позволяет согласиться с бытующим в историографии мнением о том, что «...сам Пётр не имел никогда разработанных планов реформ: у него были, как правило, только наброски конкретных преобразований; во многом он руководствовался интуицией, пониманием общих задач, анализом развития тех или иных заданных им же процессов, а нередко действовал бессистемно, не считая при этом необходимым что-либо объяснять» [Анисимов, 2009: 441]. План реформирования полностью определялся совокупностью идей, которые усвоил Пётр I и которые считал правильными. Благодаря настойчивости царя, его колоссальной воле и энергии, почти все его основные идеи были воплощены в реальность.

Анализ показывает, что действия Петра I вытекали из его идей, понимая которые мы постигаем содержание и смысл реформирования. Истинное содержание реформ определялось этими идеями, а не результатом, полученным в ходе реформирования, и, тем более, не его отдаленными последствиями.

Оценка результатов реформ с позиций православного мировоззрения. Оценить результаты реформ и действий Петра I можно, соотнеся их с господствующим православным мировоззрением.

Одной из целей Петра I было насаждение европейских форм и институтов, образа жизни и это ему в основном удалось. Эта часть его реформ осуждается православным мировоззрением в той части, в которой она касалась веры православного человека и противоречила его убеждениям. Более всего порицалось насаждение западных форм жизни и быта, смена одежды, обычаев, запрет на ношение бород.

С позиций православия положительно оцениваются: военная реформа; строительство флота; развитие промышленно-

сти; реформа государственного управления. В основном негативно оцениваются: упразднение патриаршества и введения синодального управления церковью; монастырская реформа.

Православие и церковь в лице ее высших иерархов были не против европейских знаний и культуры, кроме их крайних секулярных форм.

Можно сказать, что большинство реформ Петра I вполне укладывались в православное мировоззрение. Что вызывало недовольство, — это методы Петра I: насилие, стремление достичь результата любой ценой. Негативную оценку всех слоёв православного населения вызывала резкая ломка быта, уклада жизни, форм службы. То есть всего того, что касалось повседневной жизни человека, будь то крестьянин или дворянин.

Православные люди были недовольны: новой службой солдатской, офицерской, гражданской; высокими налогами и тяготами новых обязанностей. Это было личное недовольство, оно не было принципиальным, т.е. вытекающим из главных идей православия. К принципиальным вещам, противоречащим мировоззрению, можно отнести: курение табака; бритье бород, без которых в рай не пустят; «бесовская» одежда; непристойное поведение — всепьянейший собор, издевательство над церковными обычаями и порядками; навязывание нового образа жизни и поведения. У знати — служба, начиная с первых чинов, продвижение по личным, а не родовым заслугам. Сегодня эти изменения нам кажутся не столь значимыми, а для православного человека — это было искажение важнейших мировоззренческих идей, отеческих традиций и вытекающих из них представлений о правильной жизни, быте, службе. Однако и в этих искажениях православия царь в целом не перешёл границ и остался православным царём — помазанником Божиим для большинства православных верующих, за исключением старообрядцев, считавших Петра I Антихристом.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Применение идеалистического подхода к анализу реформ Петра I показало, что полученные оценки отличаются от тех, которые даются в отечественной и зарубежной историографии.

2. Соотнесение идей, лежащих в основе реформ Петра I, и их результатов свидетельствует о том, что подавляющее большинство проведённых преобразований с позиций православного мировоззрения могут быть оценены, в основном, положительно. Однозначно отрицательно оцениваются: бритье бород, введение иностранной одежды и некоторых форм европейской жизни и быта. В основном негативно оценивается введение синодального управления церковью и монастырская реформа.

3. Поскольку православное мировоззрение исследуемого периода достаточно хорошо изучено, то критерии оцен-

ки, оставаясь в своей основе неизменными, могут уточняться только частностях, что ведёт к стабилизации образа прошлого. Отличие оценок в рамках православного мировоззрения будет наблюдаться в том случае, если давать их с позиций реально существовавших тогда крайних крыльев тогдашнего миропонимания: старообрядческого или западнического, рационалистического. Такие оценки реализовались в концепциях славянофилов и западников в XIX веке, однако автор считает неправильным становится на их точку зрения, поскольку они абсолютизируют взгляды крайних и немногочисленных флангов православной позиции начала XVIII века.

4. Положительным, по мнению автора, является то, что оценки, даваемые с позиций конкретно-исторического мировоззрения эпохи, можно уточнять в деталях, но нельзя менять коренным образом, как это мы наблюдаем в реальной историографической практике, когда при смене мировоззрений и исторических концепций сразу же меняются оценки реформ Петра, их интерпретации и образы в научных исследованиях. На веку автора таких изменений произошло уже три: марксистские оценки были сменены либеральными, а теперь последние меняются государственно-патриотическими. Идеалистический подход позволяет уйти от бесконечной смены оценок, интерпретаций и образов прошедшего.

5. Автор осознает, что оценка исторических действий с позиций господствующего в исторический период мировоззрения чаще всего оказывается позитивной, но относит это скорее к достоинствам метода, чем к его недостаткам. Поскольку историческая истина недостижима, то при прочих равных условиях, по мнению автора, лучше иметь позитивную историю, чем негативную. Практическое применение идеалистического подхода в практике историописания показывает, что на его основе возможно создание позитивной истории.

6. Положительным является и то, что критерии оценки содержатся в самом историческом материале, а не в современной теории, которая, как правило, к этому материалу не имеет никакого отношения, более того, исторические теории обычно заимствуются из других предметных областей:

- широко используемая в истории теория эволюции создана в биологии;
- модернизации — в социологии;
- исторический материализм — в философии и политэкономии.

7. В рамках идеалистического подхода одни и те же действия и явления в разных исторических периодах будут оцениваться по-разному. Например, крепостничество в петровское время не осуждалось православным мировоззрением, а в середине XIX века с позиций пришедшего ему на смену рационалистического мировосприятия оно становится неприемлемым для общества. Смена господствующего мировоззрения привела к изменению оценок крепостного права.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989. 495 с.
2. Анисимов Е.В. Петр Великий: личность и реформы. М., 2009. 446 с.
3. Герасимов Г.И. Идеалистический подход к истории: теория, методология, концепции. Екатеринбург: Издательские решения, 2022. 342 с.
4. Герасимов Г.И. Мировоззренческие основы истории России (середина XIX — начало XX вв.). Екатеринбург: Издательские решения, 2022. 512 с.
5. Величко А.М. Церковь и император в византийской и русской истории. СПб., 2006. 236 с.
6. Гоббс Т. Левиафан // Т. Гоббс. Сочинения: В 2 т. М., 1991. Т. 2. 735 с.
7. Журнал государя Петра I с 1709 по 1710, сочинённый бароном Гизеном // Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. СПб., 1788. Ч. 8. 336 с.

REFERENCES:

1. Anisimov E.V. Time of Peter's the First reforms. L., 1989. 495 p.
2. Anisimov E.V. Peter the Great: personality and reforms. M., 2009. 446 p.
3. Gerasimov G.I. Idealistic approach to history: theory, methodology, concepts. Ekaterinburg: Izdatel'skiye resheniya 2022. 342 p.
4. Gerasimov G.I. Worldview foundations of the history of Russia (mid-19th — early 20th centuries). Yekaterinburg: Izdatel'skiye resheniya 2022. 512 p.
5. Velichko A.M. Church and emperor in Byzantine and in Russian history. SPb., 2006. 236 p.
6. Hobbes T. Leviathan // T. Hobbes. Works: In 2 t. M., 1991. T. 2. 735 p.
7. Journal of Tsar Peter I from 1709 to 1710, composed by Baron Gizen // Collection of various notes and writings that serve to deliver complete information about the life and deeds of Emperor Peter the Great. St. Petersburg, 1788. Part 8. 336 p.

8. Иоанн (Снычев), митр. Русь соборная. Очерки христианской государственности. СПб., 1995. 248 с.
9. Карташев А.В. Собр. Соч.: В 2 т. Т. 2: Очерки по истории русской церкви. М., 1992. 569 с.
10. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. В 3-х кн. Кн.3. М., 1993. 558 с.
11. Михневич В.О. Исторические этюды русской жизни: в 3 т. СПб., 1882. Т. 2. 429 с.
12. Покровский М.Н. Русская история: В 3 т. Т.2. СПб., 2002. 383 с.
13. Св. Григорий Палама. Триады в защиту священно-безмолвствующих. М., 1995. 380 с.
14. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён: В 15 кн. М., Кн. 9, т. 17–18. 1963. 701 с.
15. Сталин И. В. Беседа с немецким писателем Эмилом Людвигом. 13 декабря 1931 г. /Сочинения. Т. 13. М., 1951. 424 с.
16. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. 427 с.
17. Перри Морин Русская народная эсхатология и легенда о Петре I — Антихристе // Вестник СПбГУ. История. 2016. Вып. 47. С. 77–86.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (далее — ПСЗ-1). Т. IV. СПб., 1830. № 1886. 892 с.
19. ПСЗ-1. Т. VII. СПб., 1830. 933 с.
20. Рейснер М.А. Государство и верующая личность. СПб., 1905. 423 с.
21. Устав воинский / Законодательство Петра I. Отв. редакторы А.А.Преображенский и Т.Е.Новицкая. М., 1997. 878 с.
22. Феофан Прокопович. История императора Петра Великого. М., 1788. 256с.
8. John (Snychev), Metropolitan Cathedral Russia. Essays on Christian statehood. SPb., 1995. 248 p.
9. Kartashev A.V. Sobr. Soch.: In 2 vols. Vol. 2: Essays on the history of the Russian Church. M., 1992. 569 p.
10. Klyuchevsky V.O. Russian history. Full course of lectures. In 3 books. Book 3. M., 1993. 558 p.
11. Mikhnevich V.O. Historical sketches of Russian life: in 3 vols. St. Petersburg, 1882. Vol. 2. 429 p.
12. Pokrovsky M.N. Russian history: In 3 volumes. T.2. SPB., 2002. 383 p.
13. St. Gregory Palamas. Triads in defense of the sacred silent ones. M., 1995. 380 p.
14. Solovyov S.M. History of Russia since ancient times: In 15 books. M., book. 9, vol. 17–18. 1963. 701 p.
15. Stalin I. V. Conversation with the German writer Emil Ludwig. December 13, 1931 / Works. T. 13. M., 1951. 424 p.
16. Pipes R. Russia under the old regime. M., 1993. 427 p.
17. Perry Morin Russian folk eschatology and the legend of Peter I — the Antichrist // Bulletin of St. Petersburg State University. Story. 2016. Issue. 47. P.77–86.
18. Complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting the first (hereinafter — PSZ-1). T. IV. SPb., 1830. No. 1886. 892 p.
19. PSZ-1. T. VII. SPb., 1830. 933 p.
20. Reisner M.A. State and believer. SPb., 1905. 423 p.
21. Military Charter / Legislation of Peter I. Responsible. Editors A.A. Preobrazhensky and T.E. Novitskaya. M., 1997. 878 p.
22. Feofan Prokopovich. History of Emperor Peter the Great. M., 1788. 256p.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность – 84,23%.

Рецензент: Дегтярев А.П., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Военного университета имени князя Александра Невского

Статья поступила в редакцию 16.08.2022, принята к публикации 06.09.2022
The article was received on 16.08.2022, accepted for publication 06.09.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Герасимов Григорий Иванович, доктор исторических наук, доцент, научный консультант, Тульский государственный музей оружия, г. Тула, Российская Федерация, AuthorID: 235506; <https://orcid.org/0000-0003-4479-2620>, ResearcherID R-7767-2016, e-mail: ggi1957@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Grigory I. Gerasimov, Dr. Sci. (Hist.), Associate Professor, Scientific consultant, Tula Museum of weapons, Tula, Russian Federation, AuthorID: 235506; <https://orcid.org/0000-0003-4479-2620>, ResearcherID R-7767-2016, e-mail: ggi1957@mail.ru